

С. В. Семенцов

ПЕТР ВЕЛИКИЙ: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА СОЗДАНИЯ СТОЛИЧНОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ДОПЕТЕРБУРГСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПРИНЕВЬЯ

Санкт-Петербург — город мирового масштаба. Его традиционная история насчитывает чуть более 300 лет (с 27 мая 1703 г.). Город изначально создавался по особой градостроительной программе как российский вариант одной из мировых столиц. Вплоть до 1917 г. создание и совершенствование Санкт-Петербурга относилось к важнейшим общегосударственным задачам. И уже в первые годы его существования было ясно, что создать такой город путем подражания нельзя. Возможно, именно поэтому Петр I отказался от прямого бездумного заимствования как российского, так и западноевропейского градостроительного опыта. С первых же лет жизни Санкт-Петербург вобрал в себя в значительной мере переработанный российский и западноевропейский опыт, преобразовав его в уникальный сплав именно Санкт-Петербургской архитектуры с несравнимым пространственным размахом, в единстве города и всей пригородной зоны сформировал особые Санкт-Петербургские градостроительную школу, архитектурный стиль, культуру, образ жизни. В Санкт-Петербурге за века фактически (в реальной градостроительной системе: территориальной, функциональной, композиционной, об-разной) и теоретически (в системе градостроительно-архитектурной регламентации и в проектной составляющей) развился его собственный *градостроительный генетический код*. Сам Петр I заложил важнейшие правила и принципы градостроительного развития Санкт-Петербурга, при его последователях продолжилась кристаллизация главных градостроительных параметров.

300 лет жизни Санкт-Петербурга обозначили важнейшие закономерности градостроительного развития города и создали огромное количество официальных и неофициальных легенд и мифов. Одной из главных легенд о Санкт-Петербурге является легенда о том, что город создан Петром I «на пустом месте», среди болотистых и необжитых земель. Так ли это? Были ли земли Приневья до начала XVIII в. исторически необжитыми? Создавался ли город «в чистом поле»? Или здесь веками существовала развитая система расселения, включающая многие поселения и столь же развитую сеть дорог? И если существовала, то как она повлияла на формирование такого необычного столичного города?

Исследования письменных и картографических источников позволили выявить гораздо более сложную картину возникновения и развития северной российской столицы. Отметим, однако, что древнерусские летописные и иноземные письменные источники вплоть до середины XV в. могут быть использованы лишь для выявления тенденций, но не для точного определения системы расселения, позволяя обозначить отдельные ее опорные пункты и раскрыть динамику изменения территорий. Массовый архивный материал, известный с середины XV в., дает возможность изучать сплошное поле заселения территорий без крупных пространственных и хронологических лакун.

Поэтому при исследовании вопросов градостроительных, показывающих закономерности формирования системы расселения Приневья, приходится в первую очередь оставаться в хронологических рамках XV–XVII вв. Кроме того мы вынуждены изучать территорию в целом, в границах современного Большого Санкт-Петербурга (Санкт-Петербурга и его пригородной зоны, Санкт-Петербургской агломерации).

Важнейшими элементами исторической системы расселения являются:

- система крупнейших опорных пунктов разного функционального назначения (многофункциональных городов, крепостей, торговых городов и т. д.);
- система поселений (разных величины, функционального назначения и т. д.);
- система сухопутных и водных дорог и магистралей;
- система землевладения и различного функционального освоения территорий;
- система визуальных и символических доминант и объектов (вертикалей храмов, шпилей, особых природных и искусственных знаков и т. д.).

Для периода VIII — середины XV в. важнейшие, но фрагментарные данные дают древнерусские летописи, скандинавские саги и материалы археологических исследований. Начиная с середины XV в., мы можем использовать массовый (частично опубликованный) материал: писцовые, обыскные, платежные, дозорные, оброчные переписи новгородского, московского и шведского периодов развития Приневья, — позволяющий достаточно системно и детально изучать градостроительное и историческое развитие этих территорий. Для конца XVII в. уникальную информацию можно почерпнуть из исполненных шведскими землемерами атласов кадастровых землемерных карт Ингерманландии.

Территория Приневья и Приладожья с VI в. н.э. вплоть до 1322 г. Общим вопросам исторической географии Древней Руси посвящены труды И. Ахматова [1], Д. И. Багаля [2], Н. П. Барсова [3], А. А. Кизеветтера [4], М. К. Любавского [5], Н. Павлицева [6], М. П. Погодина [7], О. М. Рапова [8], Б. А. Рыбакова [9], С. М. Середонина [10] и др. История изучения градостроительных процессов Древней Руси насчитывает уже более ста лет, отдельного внимания заслуживают работы коллектива авторов под руководством Н. Ф. Гуляницкого [11], а также работы А. В. Кузы [12], В. А. Лаврова [13], В. П. Нерознак [14], Б. А. Рыбакова [15], Л. М. Тверского [16], М. Н. Тихомирова [17], В. А. Шкварикова [18] и др. За десятилетия опубликовано несколько вариантов градостроительной классификации древнерусских поселений [11, 19–21]. Этапы расселения на Северо-Западе Руси новгородских словен и псковских кривичей изучались в работах Д. А. Мачинского [22], В. В. Седова [23]. Новгородская земля всегда оставалась пограничной с иноземными государствами территорией, рубежом взаимодействия между славянским народом и «немцами», между православием и католицизмом. Приграничный характер Новгородской земли формировал особые менталитет и тип поведения населения. Помимо внутренних связей (династических, политических, военных, торговых) с землями Древней Руси новгородцы находились в определенных взаимоотношениях с населением иностранных земель, в первую очередь со Скандинавией и Прибалтикой. «Порубежный» характер земли предопределил особое внимание также к фортификационному зодчеству, изученному А. Н. Кирпичниковым [24], Н. И. Платоновой [25], П. А. Раппопортом [26].

Наиболее комплексными и информативными источниками по истории градостроительства Древней Руси VIII–XIII вв. являются Ипатьевская (ИЛ) [27] и Лаврентьевская (ЛЛ) [28] летописи, Новгородская первая летопись старшего и младшего

изводов (НПЛ) [29]. Для исторического периода с VIII в. вплоть до 1250 г. в текстах НПЛ упомянуты 138 поселений Древней Руси и других государств (Швеции, Византии, Волжской Болгарии и т. д.), в ЛЛ — 178 поселений, в ИЛ — 360 поселений. На пространствах Новгородской земли и сопредельных территориях Прибалтики отмечены 42 населенных пункта, в том числе 32 новгородских поселения (размерами и социальным масштабом от столичного города до монастырского села), шесть городов «в Чуди», один город в Латгаллии, один город в земле ливов, один немецкий город. Наряду с ними столь же подробно представлены Белоозеро, а также Волок Ламский. В НПЛ упомянуты 40 населенных пунктов, в ЛЛ — 8, в ИЛ — 13. С учетом хронологических этапов распределение информации имеет следующие закономерности: до 1000 г. упомянуты пять населенных пунктов (Белоозеро, Изборск, Ладога, Новгород, Псков); в период 1001–1100 гг. в летописных текстах обозначены также пять населенных пунктов (Белоозеро, Волок Ламский, Новгород, Псков, Юрьев Чудьской); в 1101–1200 гг. — 22 населенных пункта (Белев, Белоозеро, Боровой, Волок Ламский, Воробьин, Ворч, Дубровна Новгородская, Еменец, Клин Новгородский, Ладога, Луки, Медвежья Голова, Налючи, Новгород, Псков, Свинород, Старая Руса, Торжок или Новый Торг, Устье Новгородские, Хоружьи, Черняны, Юрьев Чудьской); в 1201–1250 гг. — 33 населенных пункта (Бежицы, Белоозеро, село Буйце, Велье Чудьской, Волок Ламский, Воробьин, Городец на Шелони, Дубровна Новгородская, Изборск, Исады Новгородские, Кесь, Клин Новгородский, Кольвань, Копорье, Ладога, Луга, Луки, Любно, Медвежья Голова, Моравьин, Морева, Новгород, Пертуев в земле ливов, Псков, Рига, Сабель, Середа, Старая Руса или Руса, Тесов, Тоймокары, Торжок или Новый Торг, Ходыничичи, Юрьев Чудьской). Лишь три населенных пункта включены в тексты всех периодов: Белоозеро, Новгород, Псков. Таким образом, наиболее информативны по количеству данных о городах и селах периоды 1101–1200 гг., 1201–1250 гг. Возможно, это связано как с расширением масштабов градостроительной деятельности (археологами и историками для данных периодов отмечены строительство новых городов, устройство многих новых сел), так и с более внимательным подходом летописцев к описанию территорий, проявившейся любовью к конкретной топографии, к бытописанию. Летописные источники подробно (для средневекового сознания) описывали территории Новгородской земли. Конечно, мера этой подробности для IX — первой половины XIII в. достаточно относительна. В наиболее информативной Новгородской первой летописи младшего извода также упомянуты Варяжское море (с 1242 г.), оз. Ильмер или Озеро (с 1143 г.), Ладозьское или Водьское озеро (с 1228 г.), Серегер (с 1199 г.), оз. Чудьское или Озеро (с 1212 г.), реки Волга (с 1015 г.), Волхов (с 980 г.), Воронач (с 1164 г.), Ижора (с 1240 г.), Ловоть (с 1200 г.), Луга (с 1240 г.), Мста (с 947 г.), Нева (с 1240 г.), Омовыжь в Чуди (с 1234 г.), Питьба (с 989 г.), Тверца (с 1215 г.), Череха (с 989 г.), Шекъшна (с 1071 г.), Шелонь (с 1217 г.). Тексты летописей дают и некоторую этническую информацию. Еще во вводных летописных статьях упомянуты словене, кривичи, меря, чудь, а также варяги. Вслед за этим уже в годовых статьях отмечены весь, вернее ее этнический центр Белоозеро (с 989 г.), водь (с 1069 г.), готы (с 1188 г.), емь (с 1042 г.), ижора (с 1228 г.), корела (с 1143 г.), либь (с 1200 г.), литва (с 1044 г.), лотыгола (с 1200 г.), немцы (с 1058 г.), свеи (с 1142 г.), сумь (с 1240 г.), а также различные этнические ветви чуди — ерева (с 1214 г.), очела (с 1111 г.), тьрма (с 1212 г.) [30].

Важнейшей составной частью социально-политико-экономико-этнических процессов были вековые линии формирования, стабилизации или постепенного умирания

торговых путей — как основных силовых линий развития территорий. Этот стратегический территориальный каркас становился важнейшим условием проявления древнерусской государственности и кристаллизации древнерусского градоформирования. Для изучения трассировки этих путей важнейшими источниками являются древние карты. Для Приневья таким неоценимым источником стала шведская картография. За последние десятилетия ее изучения появились несколько крупных исследований и сводных атласов таких карт и планов. Отметим в связи с этим работы Л. Багрова и Х. Келина, А. И. Гишинга, А. С. Лаппо-Данилевского, Уллы Эренсверд, С. В. Семенцова [31] и др.

При изучении древних фарватеров, вполне явно обозначенных на картах еще шведского периода развития территорий Приневья, проясняется и трассировка самого древнего из них, предопределившего особый международный статус всех территорий Приневья. Это единый (объединенный, слитный) отрезок двух мощнейших трансконтинентальных путей от Балтийского моря до Черного и Каспийского морей: «Пути из Варяг в Греки» и «Великого Волжского пути». Изучению трассировки и особенностей «Пути из Варяг в Греки», «Великого Волжского пути», отдельных волоков и трасс посвящены работы Д. А. Авдусина [32], А. П. Афанасьева [33], В. А. Брима [34], В. В. Вилинбахова [35], И. В. Дубова [36], Г. С. Лебедева [37], Е. Н. Носова [38], П. Е. Со рокина [39].

Материалы описаний и шведской картографии позволили уточнить трассировку пути в зоне современного Большого Санкт-Петербурга. Трасса этого слитного участка шла от оз. Ильмень по р. Волхов, затем выходила на Ладожское озеро, вела вдоль южного берега Ладожского озера, отсюда проходила севернее о. Ореховца, шла по фарватеру р. Невы, в западной части дельты р. Невы поворачивала на протоку (совр. Большую Невку), обходила с севера остров (совр. Каменный остров), проходила южнее совр. Елагина острова (возможно потому, что по различным историческим данным в разные десятилетия Елагин остров часто не был островом, соединяясь с материком заболоченной низиной), затем шла севернее очертаний другого острова (совр. Крестовского острова) и далее вела на запад приблизительно в 100 м от современного очертания северного берега Финского залива, проходя севернее современного о. Котлин. Этот фарватер обозначен еще на древнейших шведских картах первой половины XVII в. и уже тогда назывался традиционно «Старым фарватером».

Впервые, как известно, сама р. Нева упомянута в Новгородской первой летописи в статье за 6748 (1240) г. в связи с походом шведов на Неву. Новгородские войска под командованием князя Александра остановили их, затем разбили в «Невской битве», которая произошла в устье Ижоры. Чаще всего внимание исследователей привлекали темы битвы [40]. Но в данном случае хотелось бы отметить, что события Невской битвы охватили не только место впадения Ижоры в Неву. В летописи описаны действия на гораздо более обширном пространстве, включая зону современных Петроградского (Санкт-Петербургского) и Васильевского островов, взморья [29, с. 77]. Изучение описания битвы в летописи и знание трасс древних фарватеров позволяет приблизительно определить место нахождения новгородского сторожевого поста, на котором в 6748 (1240) г. размещалась дружина Пелгусия — на входе из Финского залива в Неву, «...Стоящу же ему при краи моря, стерегущу обои пути, и пребусть въсю ночь въ бдении...». «Обои пути», вероятнее всего, это «Старый фарватер» (уже обозначенный нами) и «Средний фарватер», который шел между островами (совр. Васильевским

и Петровским островами). Таким образом, местом размещения поста Пелгусия могли быть западная оконечность современного Крестовского острова (в зоне павильонов стадиона им. С. М. Кирова) или один из малых островков, которые были соединены с Крестовским островом при создании в середине XX в. этого стадиона.

Следующее упоминание о дельте Невы относится к 6808–6809 (1300–1301) гг. Известные события, привлекавшие внимание исследователей, нашли отражение одновременно в новгородских летописях и в скандинавских сагах. Знаменитая латинская (итальянская по очертаниям и генезису) крепость Ландскрона (1300) стала в 2000-е годы предметом внимательного изучения археологов (в первую очередь экспедиции под руководством П. Е. Сорокина). Здесь стоит отметить, что упомянутый в летописи и «Хронике Эрика» [41] флот шведы разместили именно в устье р. Охты (где в XVII в. традиционно размещался порт г. Ниена и цитадели Ниеншанц), что в 1301 г. новгородские дружины добрались до Ландскроны по сухопутной дороге от истоков р. Невы (там была переправа через Неву). И эта дорога шла (и идет до нашего времени) от истока р. Невы напротив Шлиссельбурга, через современные Колтуши до самой р. Охты, затем спускаясь вдоль берега р. Охты в ее устье к Ландскроне. Она действует вплоть до нашего времени и является, возможно, древнейшей функционирующей сухопутной дорогой в Приневье. Она была ответвлением древней трассы: исток Невы (позднее крепость Орешек, затем Нотебург) — Выборг. А сама крепость Орешек, как известно, была построена в 1323 г.

Территория Приневья и Приладжья в Новгородский и Московский циклы. 1323–1580-е годы. Еще задолго до 1478 г. эти земли были приграничными. Государственная граница между Новгородской республикой (после 1478 г. — Московским государством) и Швецией в соответствии с Ореховецким договором 1323 г. проходила севернее Финского залива по р. Сестре («Немецкий рубеж») и непосредственно являлась западной границей Воздвиженского Корбосельского погоста. Для выявления особенностей заселения тех времен важнейшими источниками стали писцовые, плажные, обыскные книги. Среди них самыми значительными были периодически проводимые генеральные переписи населения. Особо интересной для нас стала перепись, осуществленная в Водской пятине в 1498–1501 гг. дьяками Дмитрием Васильевичем Китаевым и Никитой Семеновичем Моклоковым (Губой) [42–43]. Эта перепись, как известно, проводилась после присоединения Новгорода к Московскому государству (1478). Материалы генеральной переписи 1498–1501 гг. также подробно изучались историками [44–49]. Территории современного Большого Санкт-Петербурга и его ближайших пригородов (совр. Санкт-Петербургской агломерации) во времена Великого Новгорода и Великого Московского княжества (XV–XVI вв.) включали пять погостов Ореховецкого (Ореховского) уезда — Спасский Городской, Воздвиженский Корбосельский, Ильинский Колтушский, Введенский Дудеровский, Никольский Ижерский погосты, а также три погоста Копорского уезда — Покровский Дятелинский, Дмитриевский Кипенский, Богородицкий Дягилевский погосты.

Материалы этой Писцовой книги (1498–1501) дают возможность исследовать особенности землевладения, землепользования и системы расселения для трех качественно разных этапов: до 1470-х годов; в 1470–1490-е годы (так называемое «старое письмо»); 1498–1501 гг. (так называемое «новое письмо»).

А. До 1470-х годов. Годы существования Новгородской республики до ее присоединения к Великому Московскому Княжеству. Материалы этапа представлены фрагмен-

тарно. На территориях интересующих нас восьми погостов в те времена было не менее 30 волостей и не менее 545 поселений (в том числе 1 город).

Б. 1470–1490-е годы (так называемое «старое письмо»). Это были годы после присоединения Новгорода к Великому Московскому Княжеству, время массового переселения населения и массовых конфискаций земель. Учитывая более точные данные в текстах самой переписи, на территориях восьми отмеченных нами погостов обозначены уже 49 волостей, 998 поселений (в том числе 1 город, 39 крупных многовладельческих — «вопчих» сел и «вопчих» деревень, 951 мелкая деревня, 8 крупных селений с органами территориального управления — погостами с церквями и монастырями).

В. 1498–1501 гг. (так называемое «новое письмо»). Годы окончания массовых конфискаций и стабилизации нового населения, прибывшего из Подмосковья вместо вывезенных строптивых и непокорных новгородцев. В Ореховецком (Ореховском) (5 погостов) и в Копорском (три погоста) уездах сохранилось в тот период то же количество волостей — 49, количество поселений фактически не изменилось и составляло 994 (в том числе 1 город, 8 селений-погостов с церквями, 133 крупных «вопчих» села и деревни, 853 мелких деревни).

Таким образом, с конца 1490-х годов стабилизировалось как количество волостей, так и общее количество поселений. По материалам генеральной переписи (1498–1501) характерными особенностями системы расселения были: многочисленность, раздробленность и некомпактность волостей; преобладание мелких (в один-три двора) деревень на одну-три семьи, многие из этих деревень располагались рядом и даже имели одинаковые названия. Но существенно выросла доля крупных «вопчих» сел, селец и деревень: от 17 (до 1470-х годов) до 133 (к 1501 г.). Опережающий рост числа «вопчих» поселений (в 7,8 раза) происходил за счет массового слияния мелких деревень и интенсивного роста ряда наиболее удобно расположенных селений. Можно предположить, что резкое увеличение доли «вопчих» деревень и сел отражает как массовую замену новгородского населения на московское, так и одновременную смену новгородского типа средневекового сельского расселения (с многочисленными малыми деревнями в один-три двора) на московский тип сельского расселения с относительно крупными многодворными деревнями и селами.

В общественном сознании и в переписных материалах абсолютное большинство волостей и поселений сохраняло наименования еще времен Новгородской республики и обозначения по владельцам времен Новгородской республики даже в более поздние периоды массовых конфискаций и смены владельцев. Это отражает историческую стабильность топонимических пластов народной культуры независимо от изменчивости землевладельческой политики. Кстати, большинство из этих топонимов сохранялись вплоть до 1650–1670-х годов. Многие топонимы дошли и до нашего времени: среди сотен сел и деревень XV — начала XVI в. в тексте переписи можно встретить немало упоминаний о селениях, существовавших в те времена, имевших особую значимость в истории края и сохранившихся до нашего времени.

Шведско-Протопетербургский цикл. Территория Приневья и Приладожья в 1580–1711 гг. Среди крупнейших работ по предыстории Приневья шведского времени можно отметить работы Ю. Г. Алексеева, Л. Багрова, Ю. Н. Беспярых, А. И. Бергенгейма-первого, К. Бонддорфа, Г. Бээрнхильма, В. Е. Возгрина, Б. Гефферта, А. И. Гиппинга, С. Б. Горбатенко, Р. Л. Золотницкой, Х. Келина, А. Н. Кирпичникова, В. В. Колгушкина, А. А. Куника, О. А. Красниковой, А. С. Лаппо-Данилевского, Т. П. Мазур, К. А. Неволлина,

Г. А. Немирова, К. Оландера, А. П. Пронштейна, С. Кепсу, С. В. Семенцова, П. Е. Сорокина, А. Л. Шапиро, И. П. Шаскольского, Т. А. Шрадер, У. Эренсверд и др. (см., например: [50–60]).

С конца XVI в., после неоднократных нападений шведских войск, земли от Финского залива до Ладожского озера фактически перешли под управление Швеции. В 1582 г. московские дьяки Елизарей Старой и Семен Киселев не смогли выполнить очередную перепись Ореховского, Корельского, Копорского и других уездов (всего на территориях 38 погостов Новгородской земли, в том числе полностью в Ореховском и Копорском уездах) из-за того, что «стояли под Орешком и под Ладогою немецкие люди...» (т. е. шведы), а также «в Кореле и Х Копорью и К Яме...» [61]. В 1583 г. шведский король приказал устроить на месте бывших русских укреплений в устье р. Охты шведские укрепления. С 1595 г. Россия ненадолго вернула утраченные территории. Однако в 1609–1612 гг. шведские войска под началом французского маршала Де ла Гарди вновь взяли Копорье, Орешек, Ивангород, Яму. С 1617 г. после Столбовского договора эти пространства юридически отошли к шведскому государству. Начался новый этап истории Приневья. Граница между Россией и Швецией переместилась далеко на восток, пройдя по рекам Лаве, Мге, Тосне и Луге.

В работах Ю. Н. Беспярых, И. П. Шаскольского, К. И. Якубова, А. С. Жербина и др. отмечено несколько всплесков массовых исходов русских из Ингерманландии, этих новых земель Швеции: в 1617–1618 гг. после заключения Столбовского договора; в 1620-е годы после начала интенсивного изъятия земель; в 1630–1640-е годы в разгар раздачи изъятых земель в поместья (в ленные владения); в 1656–1657 гг. во время русско-шведской войны; в 1695–1697 гг. после «великого голода» в Прибалтике. По подсчетам К. И. Якубова общее число бежавших к 1650-м годам в Россию из Нотеборгского, Копорского и Корельского ленов составило около 50 тысяч человек. Одной из причин столь массовых исходов было фактическое запрещение шведским правительством православия с насильственным введением протестантизма. Мощный отток православного русского и ижорского населения замещался не менее мощным притоком финского крестьянского населения из восточной Финляндии, особенно из уездов Саволакса и Эврепя. Исследования показали, что финны прибывали в эти места и часто расселялись на территориях заброшенных русских поселений, используя ранее уже освоенные земли и оставленные здания и сооружения. По опубликованным материалам С. Кепсу и по данным шведских описей, переписей и землемерных документов видно, что если до середины 1650-х годов большинство поселений сохраняло традиционные русские названия (но в латинской транскрипции и со «шведским» акцентом), то с 1660-х годов осуществлялись многочисленные замены старинных топонимов и гидронимов на новые, в основном финские, реже шведские. Именно с этих пор большинство дошедших до времен Петра Великого именовании местностей, рек, островов, сел и деревень имели финские и шведские названия. Кстати, согласно исследованиям академика П. И. Кеппена, многие ингерманландские финны Санкт-Петербургской губернии еще в середине XIX в. помнили, из каких мест Финляндии прибыли в XVII в. сюда их далекие предки [62].

Таким образом, к концу XVII в. территория Приневья была вновь обжита, практически сохраняя историческую новгородско-московскую систему расселения. Но теперь на место вытесненного русского, водского и ижерского православного населения пришло новое, в основном финское и шведское. Проведенные в 1670–1680-е годы

шведским правительством землемерные работы и составленные шведскими землемерами подробные землемерные карты и земельные кадастры говорят о высокой степени освоения этих земель. Многочисленные материалы шведской картографии, публиковавшейся в работах У.Эренсверд и других исследователей, для территорий Ингерманландии и Карелии позволяют с высокой точностью выявить особенности территориального освоения и определить систему расселения этих земель во время шведского этапа развития [52; 56; 57, с. 16; 63–69].

Точно проявляется трассировка русско-шведской границы, текстом описанная в приложении к Столбовскому мирному договору (1617) и трассированная в природном ландшафте («в натуре») по рекам, между заметными ориентирами, в том числе и крупными «граничными камнями» (с выбитой на них линией границы, а также со знаками: с тремя коронами — со стороны Швеции, крестом — со стороны России). Такие камни сохранились до нашего времени. При шведском правительстве сохранялись общие принципы административного деления территорий, зафиксированные еще с новгородских и московских времен. Уезды новгородско-московских периодов превратились в лены (Län), а погосты либо остались погостами (Pogost), либо (особо крупные) разделились на приходы (Sochn). Шведская администрация в некоторых случаях изменила границы ленов, погостов и приходов. Картографическая точность шведских карт дает возможность почти однозначно определить административные границы всех ленов, погостов и приходов, а также нанести их на современные топографические карты. Трассировка административных границ этого времени в значительной мере совпадает даже с системой административного деления территорий Санкт-Петербургской губернии XVIII — начала XX в. и Ленинградской области XX — начала XXI в.

Выявляется плотная система сухопутных дорог разного значения. Она включала государственные тракты, региональные дороги между селениями в погостах, дороги местного значения (подъездные, тупиковые, на сельскохозяйственные угодья, в леса). Вся территория Приневья была покрыта достаточно устоявшейся и плотной сетью дорог разных категорий. Среди этих дорог выделялись государственные тракты, в том числе связывавшие создаваемый с 1611 г. город Ниен с Выборгом, Кексгольмом, Нотебургом, Копорьем, Яма-Городом, Ивангородом, Нарвой, а также дороги к государственной границе между Россией и Швецией. На государственных трактах через определенные расстояния были созданы постоянные дворы (Krog), существовавшие отдельными поселениями, либо включавшиеся в структуру существовавших более крупных селений. Гидрографические карты моря, озер и рек и трассировки направлений водных путей по озерам и морю дают достаточно ясную картину крупнейших водных трасс и действовавших фарватеров. К существовавшим с древних времен добавлен выявленный в 1680-е годы трудами шведских гидрографов «Новый фарватер» (совр. «Южный фарватер»), идущий южнее о. Котлин.

На основании данных шведских карт и архивных материалов 1640–1690-х годов во всех ленах, уездах, погостах, приходах выявляется многоуровневая система поселений: города — центры провинций; города — центры ленов с административным управлением (Нотебург, Выборг, Копорье, Яма-Город, Иван-город, Кексгольм); крепости; города, не являвшиеся административными центрами территорий и имеющие различные функции, например, торговые и ремесленные города (Ниен), центры погостов с административным управлением и погостными храмами; господские усадьбы и мызы (h, hof, hoff); крупные селения (села) с приходскими храмами разных конфессий (проте-

стантской и православной) и многофункциональным населением (К.; Kyrkebÿ); крупные многофункциональные многодворные селения; средние и мелкие, в том числе одно- и двухдворные селения и хутора (bÿ); постоянные дворы с трактирами на государственных трактах (krog); объекты специального назначения (например, охотничьи места); специализированные селения, сооружения и объекты (в том числе кирпичные заводы, фортификационные сооружения, стрельбища, артиллерийские лаборатории, пороховые заводы и т. д.); селения с мельницами; фортификационные объекты (шанцы, редуты и т. д.).

На всей территории Ингерманландии (от Ладожского озера до Нарвы) конца XVII в. насчитывалось не менее 1991 поселения разного типа. А в границах восьми погостов Нотеборгского (Nöteborgs, Nötheborgs Lähn) и Копорского ленов (Саpurie, Саpurie Lähn), на территориях которых впоследствии разместилась совр. Санкт-Петербургская агломерация, — не менее 904 поселений разных типов, в том числе два города (Нотеборг и Ниен).

Включение допетербургской системы расселения в столичную Санкт-Петербургскую агломерацию. Эта развитая система сельского расселения не была отвергнута при создании Санкт-Петербурга. Еще при Петре I границы Санкт-Петербурга включили территории не менее 55 селений допетровского периода, а одновременно формировавшаяся пригородная зона объединила дополнительно более 100 существовавших ранее сел, мыз, деревень, хуторов. Современный Санкт-Петербург в границах 2000 г. охватывает уже более 200 таких древних селений. Сопоставление поселений в границах уездов (ленов), погостов, размещенных на территориях, где впоследствии с 1703 г. стала развиваться Санкт-Петербургская система расселения, показывает их высокую плотность и стабильность в разные допетербургские периоды.

Проявившаяся с допетербургских времен мозаичность системы расселения новгородского, московского и шведского периодов естественно и плавно перешла в дисперсный, многослободской характер градостроительной ткани Санкт-Петербурга времен Петра I, сохранившись и до нашего времени в композиционной раздробленности исторического центра города. Конфигурация реальной застройки петровского Санкт-Петербурга совпадает с конфигурацией освоенных территорий допетровского времени. Современный Санкт-Петербург и его планировочная, функциональная и социальная зоны влияния в процессе своего развития «впитали» историческую систему расселения, вобрали в себя, адаптировали и во многих случаях сохранили до конца XX в. значительные следы допетровской эпохи. Современная планировка многих фрагментов Санкт-Петербурга, современная система расселения его пригородной зоны и ближайших к Санкт-Петербургу районов Ленинградской области имеет явные совпадения с системой расселения и дорожной сетью допетербургского периода, в наиболее точном пространственном виде (по данным чертежей) известной нам с XVII в., а по письменным описаниям — с конца XV в.

При этом десятки кварталов городской застройки, городов и поселений пригородной зоны, формировавшихся с начала XVIII в., возникали на основе допетербургских поселений. Так, Каменноостровский дворец размещен в районе бывшей деревни на острове Кивисари (Kivi-sari-bÿ). Кронверк расположен в местах, где в XVII в. находились дворы Марти и Якко Летце (Martti, Loetsa-Jaakko). Усадьба Бьеркенгольм Хоф (Bjoerkenholm hoff) находилась на территории современных домов № 29–33 по ул. Большой Дворянской, а также Училищного дома имени Петра Великого (совр.

здание Нахимовского училища). Усадьба Светлейшего князя А. Д. Меншикова на Васильевском острове (особенно ее северная часть, где размещались службы) устроена на ранее освоенных землях деревни Хирвисари (Hirvi-sari-bÿy). Летний сад — первая загородная резиденция Петра I Алексеевича и ровесник Санкт-Петербурга — основан на месте дворянской мызы Усадисс Хоф (Ysadiss hoff). Шведские Ниен и Ниеншанц возникли на местах нескольких древних русских поселений и Торгового двора, а уже в петровские времена здесь, с 1721/1722 г. на «пятне» Ниена размещена плотницкая слобода Большая Охта, современные кварталы которой хранят планировочную память и о Большой Охте петровского времени, и о шведском Ниене. Руины Ниеншанца сохранялись в значительной мере вплоть до 1805 г., а некоторые фрагменты рвов — вплоть до начала 1900-х годов, в настоящее время на месте Ниеншанца существуют остатки судостроительного «Петрозавода». Деревня Кальюла (Kaljula) с XVIII в. входила в ареал Санкт-Петербурга как Калинкина деревня. Уже в XIX в. здесь был основан Военно-Морской госпиталь. А существующие со времен Петра I на Выборгской стороне Сухопутный и Морской госпитали размещены на месте более древних селений, имевших общее название Аришка (Ariska).

В XVIII–XX вв. на всей территории Приневья сохранялись и развивались сотни исторических селений. Многие из них стали «почками роста» при формировании ансамблей, комплексов и городов Санкт-Петербургской пригородной зоны, другие сохранили свой сельский деревенский и хуторской «статус» [70–72]. В «основу» Красного Села легло село Дудоровское (конец XV — начало XVI в.), в XVII в. — селение Дудерс (Duders). Колтуши восходят к деревне в «Кяхкоме Угол» и погостскому селу Келтушскому (конец XV — начало XVI в.), в XVII в. — к погостскому селу Киелтис (Kieltis). Современная Усть-Славянка включает место деревни «На Носу на Коле на реце на Неве» (конец XV — начало XVI в.), в XVII в. — поселение Гудилова (Gudilowa). На месте современной Усть-Ижоры находилась деревня «На Усть Ижеры реки на Неве» (конец XV — начало XVI в.), с XVII в. здесь отмечены селения Ингрис-эмунд (Ingris amund), а чуть южнее — Ускина Хоф (Uskina hoff). Усть-Тосна нашего времени объединяет территории сразу нескольких селений конца XV — начала XVI в. с практически одинаковыми названиями: деревня «На Усть Тосной на Неве», деревня «На усть Тосные на Неве ж», в XVII в. там же отмечены несколько селений, в том числе Тусина, Тусина Хоф или Тассина Хоф, Боритсин Вокина (Tusina, Tassina hoff, Boritsin Wokina). Предшественником Гатчины в конце XV — начале XVI в. стало село «Хотчино над озерком над Хотчиным», а в XVII в. — селение Хатсина (Hatsina). Центральная часть города Колпино включает территории поселений шведского времени Раккула (Rackula), Хиртцала (Hirtzala), Лейкила (Leikila). Современное Лемболово в XVII в. было Лембула (Lembula), Парголово имело название Паркала (Parkala), Вруда являлась мызой Вруда Хоф (Wruda hoff), Кипень — погостское село Кипенское (конец XV — начало XVI в.), а в XVII в. — погостское село Киппина (Kippina).

Сотни современных селений восходят к селениям, известным по крайней мере с конца XV — начала XVI в., пережив новгородские, московские, шведские этапы существования этих территорий и выжив в многократных военных и социальных катаклизмах XVIII–XX вв. С конца XV — начала XVI в. известны:

- деревни «Морья на реце Морье» (совр. — Морье), «Захожаи» (совр. — Захожье), «Лопала ж» (совр. — Лупполово), «Мендосар на речке на Мендосари у часовни» (совр. — Мендосары), «Токсово над озером над Токсовым» (совр. — Токсово),

Колбино (совр. — Колбино), Торикино (совр. — Торики), Перекула (совр. — Перекуля), «На Бору на реке на Ижере» (совр. — Бор), «Кателской Остров» (совр. — Коттелово), Раикола (совр. — Раиколово), Кадриных (совр. — Кудрино), «На усть Врудици на Ковоше» (совр. — Усть-Рудица);

- дворцовая деревня «Пикула Мотина» (совр. — Пикколово);
- «вопчая» деревня «Врева на реке на Ижере» (совр. — «Малое Верево»);
- село «Гостилицы на Ковоши» (совр. — Гостилицы), село «Нежковичи» (совр. — «Старые Низковицы»), село «Пудость на речке на Пудости» (совр. — Пудость), села Волосово (совр. — Волосово) и Храпши (совр. — Ропша);
- погостские села Корбосельское (совр. — Корабсельки), Дятелицы (совр. — Дятлици), Дягиленское (совр. — Тяглино) и многие другие населенные пункты.

Дороги XV–XVII вв. стали «стержнем» слободской застройки с самого начала XVIII в. Вдоль них, а также вдоль водных трасс (Невы, ее проток и притоков) издавна велось массовое создание сел и деревень, которые при Петре I стали основой городских слобод. Древние дороги (их трассировка известна нам по шведским землемерным картам) постепенно приобретали статус городских улиц и магистралей. На карте современного Санкт-Петербурга в трассировке фрагментов десятков улиц, проспектов и магистралей можно увидеть память о дорогах допетербургского времени. Среди таких улиц и проспектов можно назвать Суворовский и Лиговский проспекты, фрагменты Выборгской и Ушаковской набережных, Приморского проспекта, проспекта Энгельса, Выборгского шоссе, улиц Котовского и Льва Толстого, улиц Блохина и Ждановской, Свердловской набережной, переулки Академический, Кадетский, Иностранский, фрагменты Шпалерной улицы, Волховского проспекта, улицы Салова, дорог вдоль берегов Невы, ставших Октябрьской набережной и проспектом Обуховской обороны, улицы Крупской, Большой Пороховской улицы, Ириновского проспекта, Партизанской улицы, Большеохтинского проспекта, Рябовского шоссе, Беломорской улицы, улицы Трефолева, проспекта Маршала Жукова, Петергофского шоссе, Таллинского шоссе и многих других.

Существующая в настоящее время улично-дорожная система Санкт-Петербургской агломерации также в значительной мере восходит к дорожной системе, известной нам по крайней мере с XVII в. (по материалам шведских землемерных карт). Несмотря на усовершенствования всей дорожной сети Ленинградской области, трассировка практически всех государственных трактов шведского периода почти полностью дошла до нашего времени, включаясь частично на многокилометровом протяжении в современные магистрали, либо сохраняясь в трассировке дорог районного и местного значения и местных проездов. Учитывая стабильность существования на данных территориях сотен селений на протяжении XV–XVII, а затем и XVIII–XX вв., можно предположить, что и система обозначенных на шведских картах дорог имеет более древнюю историю и может быть отнесена по крайней мере к концу XV–XVI в. Многие сотни километров современных дорог в Ленинградской области сохраняют память о XV–XVII вв. [71].

Вплоть до 1940–1950-х годов ареалы освоенных земель во многих местах Ленинградской области, особенно на периферии, даже в нюансах совпадали с ареалами освоенных земель XVII в. Годные к освоению земли в окружении обширных таежно-болотистых территорий веками оставались в прежних границах.

Таким образом, мы можем сделать важные для истории формирования Санкт-Петербурга и его агломерации **градостроительные выводы**.

Формирование города на Неве не было случайным явлением. Определение места будущей российской столицы, почти мгновенное (по историческим масштабам времени) создание огромного сверхгорода (вернее, сразу Санкт-Петербургской столичной агломерации) на территории в десятки квадратных километров было во многом предопределено многовековой историей (по крайней мере с XV в.) достаточно плотного заселения этих территорий и устойчивостью в пространстве и времени системы сельского расселения Приневья.

На протяжении столетий территория Приневья была зоной столкновения интересов многих государств, много раз переживала военные действия, столкновения и походы и неоднократно подвергалась массовым переселениям населения. Такая динамичность (нестабильность) населения территорий Приневья (по численности, социальным, экономическим, этническим, конфессиональным и т. д. особенностям), как ни странно, не очень сильно отразилась на особенностях системы расселения данных земель. Система расселения оказалась наиболее стабильным элементом развития Приневья, мало подверженным динамике и флуктуациям политических, этнических и иных факторов. Более того, современная система расселения и многие планировочные закономерности Санкт-Петербурга и его пригородной зоны преемственно формировались на основе системы расселения Приневья XV–XVII вв.

Планировочная система Санкт-Петербурга и его зоны влияния, генетически восходящие к системе расселения XV–XVII вв., не отвергли существовавшие ранее поселения и разветвленную дорожную сеть, а Санкт-Петербург имеет значимые планировочные корни в системе расселения допетровской эпохи. Пережив радикальные изменения XVIII–XX вв., древняя система расселения XV–XVII вв. и до настоящего времени остается одной из основ современной системы расселения всего Санкт-Петербургского региона. В этом проявились многовековая стабильность Приневья, преемственность и эволюционный характер его развития как в допетербургский, так и в петербургский периоды развития.

Историческая сельская система расселения Приневья стала основой формирования городской столичной Санкт-Петербургской агломерации. Поэтому создание столичного Санкт-Петербурга и его пригородной зоны является не актом творения «на пустом месте», а процессом целенаправленного преобразования, реконструкции, преобразования существовавшей системы сельского расселения с достижением высочайших планировочных, функциональных, композиционных и иных градостроительных результатов. Программа этого процесса, занявшего многие десятилетия, была изначально сформулирована именно во времена Петра I и продолжена при его последователях. В этом состоит еще один подвиг Петра I и его соратников.

Литература

1. Атлас Исторический, Хронологический и Географический Российскаго Государства, составленный на основании истории Карамзина Иваномъ Ахматовымъ. Ч. I–II. СПб., 1831. 71 л.
2. *Багалей Д. И.* Русская история с картами, планами и снимками с памятников древности и искусства. Т. I. Княжеская Русь (до Иоанна III). М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. 513 с.
3. *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Нестеровой) летописи. 2-е изд. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1885. [2], IV, 371, [3] с.
4. *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России IX–XIX вв. Петроград: Задруга, 1917. 120 с.

5. *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. 405 с.
6. *Павлищев Н.* Исторический атлас России. Варшава: тип. С. Стромбского, 1845. [44 с.]
7. *Погодин М. П.* Древние русские княжества с 1054 по 1240 годы. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1848. 80 с.
8. *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — нач. XIII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 261 с.
9. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
10. *Середонин С. М.* Историческая география. Петроград: тип. Гл. упр. уделов, 1916. 241 с.
11. Древнерусское градостроительство X–XV веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.
12. *Куза А. В.* О происхождении древнерусских городов // КСИА. 1982. Вып. 146. С. 9–15.
13. *Лавров В. А.* Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов. М.: Стройиздат, 1977. 176 с.
14. *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.
15. *Рыбаков Б. А.* Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках // История культуры древней Руси: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1.
16. *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII в. М.; Л.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре, 1953. 215 с.
17. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.
18. *Шквариков В. А.* Очерк истории планировки и застройки русских городов. М.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре, 1954. 204 с.
19. *Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. 389 с.
20. Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. 303 с.
21. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.
22. *Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: изд-во ЛГУ, 1982. С. 7–24.
23. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
24. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 275 с.
25. *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: Черметинформация, 1991. С. 63–83.
26. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105. С. 172–173.
27. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб.: Археогр. комис., 1871. [699 л., разд. паг.]
28. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926. Вып. 1. (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1.)
29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 659 с.
30. *Семенцов С. В.* Значение территорий Приневья и Приладожья в общественном сознании Древней Руси и Скандинавии // Скандинавские чтения. 2000. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 2002. С. 91–145.
31. *Семенцов С. В.* Планы Санкт-Петербурга и карты Санкт-Петербургской губернии как важнейшие источники. Ч. 1. Предыстория развития территорий Приневья и Приладожья до основания Санкт-Петербурга // Собрание карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях. Материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения. 10 марта 2010 года. СПб.: ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2010. С. 7–100.

32. Авдусин Д. А. Гнездово и Днепровский путь // Новое в Археологии. 1972. С. 159–166.
33. Афанасьев А. П. Исторические, географические и топонимические аспекты изучения водно-волоковых путей // Вопросы географии. 1979. Сб. 110.
34. Брим В. А. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. Сер VII. Отделение общественных наук. 1931. № 2. С. 201–247.
35. Вилинбахов В. В. Раннесредневековый путь из Балтики в Каспий // *Slavia Antiqua*. 1974. Т. 21. С. 83–110.
36. Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л.: изд-во ЛГУ, 1989. 255 с.
37. Лебедев Г. С., Жвитания Ю. Б. «Нево»: Из Варяг в Греки // Знание — Сила. 1988. № 3. С. 32–39.
38. Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 18–29.
39. Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 206 с.
40. Сорокин П. Е. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора: Б. и., 1993. 45 с.
41. Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М.: Наука, 1978. 240 с. (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978.)
42. Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года. Сообщ. Д. Ч. Кн. М. А. Оболенскимъ (2-я половина) // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1851. Кн. II. С. 111–431.
43. Новгородские Писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. I–VI. СПб.: тип. Безобразова, 1868. Т. III. Переписная оброчная книга Вотьской пятины, 1500 года. Первая половина. 960 стб.
44. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / рук. авт. колл. А. Л. Шапиро. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 402 с.
45. Аграрная история Северо-Запада России XVI века: новгородские пятины / рук. авт. колл. А. Л. Шапиро. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 322 с.
46. Сергий, архимандрит. Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб.: тип. М. И. Акинфиева, 1905. XXX, 456, 115 с.
47. Сергий, архимандрит. Карты Водской пятины и ее погостов в 1500 году. СПб.: тип. М. И. Акинфиева, 1905.
48. Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев: тип. Имп. ун-та св. Владимира АО дела печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1915. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. 783 с. [паг. разд.]
49. Гневушев А. М. К истории поместного землевладения в Новгородской области // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Петроград: Тип. Б. Д. Брукера, 1917. С. 524–538.
50. Золотницкая Р. Л. Карта бассейна реки Невы 1698 года // Петербург-Ленинград: историко-географический атлас. Ч. 1. Л.: изд-во ЛГУ, 1957. С. 4.
51. Колгушкин В. В. Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в Архиве Центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958. 270 с.
52. Bagrow L., Koehlin H. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö (Lund): AB Malmö Ijstrycksanstalt: AB Håkan Ohlssons Boktryckeri, 1953. 8 p.; il. [29 p.]
53. Bagrow L. A history of Russian cartography up to 1800 / ed. by H. W. Castner. Wolfe Island, Ontario: Walker Press, 1975. XVII, 140 p.
54. Возгрин В. Е., Шаскольский И. П. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины. 1981. XII. С. 273.
55. Горбатенко С. Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки. 1997. Вып. 5. С. 9–37.

56. *Kensu C.* Петербург до Петербурга: история устья Невы до основания города Петра. СПб.: Европ. дом, 2000. 127 с.
57. От шведского города к российской столице. О чем рассказывают карты и планы XVII–XVIII веков из Военного Архива и Королевской библиотеки (Стокгольм), Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота и Библиотеки Российской Академии Наук (Санкт-Петербург) / Семенцов С. В., Эренсверд У., Красникова О. А., Гефферт Б., Мазур Т. П., Бэ-эрнхильм Г., Шрадер Т. А. СПб.: Эклектика, 2003. 46 с.
58. *Эренсверд У.* Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы. Стокгольм: Швед. ин-т, 1998. С. 18–25.
59. *Kepsi S.* Pietari ennen Pietaria. Nevansuun vaiheita ennen Pietarin kaupungin perustamista. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 128 p.
60. *Эренсвэрд У.* Шведская картография Ингерманландии // Швеция и Санкт-Петербург: второй научный семинар. Тексты докладов. СПб.: изд-во Чернышева, 1996. С. 7–17.
61. Писцовая книга Воцкой пятины письма и меры Елизаря Старого и подъячего Семена Киселева 7090 года / предисл. И. Д. Беляева // Временник Императорского Московского Общества истории и Древностей Российских. Кн. 6. М., 1850. С. I–VI, 1–126.
62. *Koeppe P. V.* Erklaerender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg, 1867.
63. *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. Т. I–II. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1909. Т. II. 253 с.
64. *Лаппо-Данилевский А. С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингомъ и А. А. Куникомъ. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1913. 25 с.
65. Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца: прил. к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц» / вступ. ст. А. С. Лаппо-Данилевского. Петроград: тип. Имп. Акад. наук, 1916. 328 с.
66. *Bonsdorff C.* Nyen och Nyenskans. Helsingfors, 1891.
67. *Sementsov S. V.* Traces of Nyen in Contemporary Saint Petersburg // Water Cities: Saint Petersburg — Stockholm. Stockholm, 1998. S. 25–48.
68. *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. 128 с.
69. *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм: Швед. ин-т; СПб.: Блиц, 2003. 359 с.
70. *Семенцов С. В.* К вопросу об особенностях заселения территорий Приневья в конце XV — начале XVI веков // Петербургские чтения — 97: Петербург и Россия. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб.: Блиц, 1997. С. 92–117.
71. *Семенцов С. В.* Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм: Швед. ин-т, 1998. С. 129–138.
72. *Семенцов С. В.* Территориальное развитие Приневья: преобразование и стабильность // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред. А. С. Мильников. СПб.: Наука, 1999. С. 117–163.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.